ŋqdqɐeɎ bɆ dəqɆbɎзə d ɕɔɑbɔɐ ɈqqdɎqɐè

По изд. А. Н. Островский. Собрание сочинений в 10 томах. Под общ. ред. Г. И. Владыкина, А. И. Ревякина, В. А. Филиппова. -- М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. -- Том 5. -- Комментарии А. И. Ревякина.
OCR: Владимир Малюгин. Spellcheck: Юрий Красильников
Доп. правка: Piter, май 2006 г.

А. Н. Островский

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ (1868)

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Егор Дмитрич Глумов, молодой человек.
Глафира Климовна Глумова, его мать.
Нил Федосеич Мамаев, богатый барин, дальний родственник Глумова.
Егор Васильич Курчаев, гусар.
Голутвин, человек, не имеющий занятий.
Манефа, женщина, занимающаяся гаданьем и предсказаньем.
Человек Мамаева.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный стол, зеркало; одна дверь во внутренние комнаты, на правой стороне другая -- входная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глумов и Глафира Климовна за сценой.

Глумов (*за сценой*). Вот еще! Очень нужно! Идти напролом, да и кончено дело. (*Выходя из боковой двери.*) Делайте, что вам говорят, и не рассуждайте!

Глумова (*выходя из боковой двери*). Зачем ты заставляешь меня писать эти письма! Право, мне тяжело.

Глумов. Пишите, пишите!

Глумова. Да что толку? Ведь за тебя не отдадут. У Турусиной тысяч двести приданого, родство, знакомство, она княжеская невеста или генеральская. И за Курчаева не отдадут; за что я взвожу на него, на бедного, разные клеветы и небывальщины!

Глумов. Кого вам больше жаль: меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Он все равно их в карты проиграет. А еще хнычете: я тебя носила под сердцем.

Глумова. Да если бы польза была!

Глумов. Уж это мое дело.

Глумова. Имеешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумов. Имею. Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив, весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь -- карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты -- с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть! Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать -- им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще с вами потолкуем.

Глумова. Помоги тебе Бог! (*Уходит.*)

Глумов (*садится к столу*). Эпиграммы в сторону! Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примемся за панегирики. (*Вынимает из кармана тетрадь.*) Всю желчь, которая будет накипать в душе, я буду сбывать в этот дневник, а на устах останется только мед. Один, в ночной тиши, я буду вести летопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я один буду и автором и читателем. Разве со временем, когда укреплюсь на прочном фундаменте, сделаю из нее

ŋqdqɐeɎ bɆ dəqɆbɎзə d ɕɔɑbɔɐ ɈqqdɎqɐè